

Эмоциональные и иррациональные аспекты в романе Л. Улицкой

«Зеленый шатер»

А.Е. Мачеева

В статье рассматриваются проблемы эмоционального и иррационального аспектов в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер», значение времени в произведении, а также даются понятия «детскость», «детство», «инфантильность», «имаго».

Творчество Людмилы Евгеньевны Улицкой в новейшей русской литературе занимает особое место. «Проза нюансов», – так говорят о ее произведениях. Л. Улицкая обращает внимание читателей на мелкие детали быта, на самые незаметные проявления человеческой души, на чувства, эмоции, мысли, переживания.

Роман «Зеленый шатер» написан в 2011 г. Это рассказ об исторической советской эпохе. Время здесь ограничивается двумя основными событиями в начале – смертью Сталина: «Сталин умер!» [Улицкая 2011: 10] и в конце – смертью И. Бродского: «Был второй час ночи, двадцать восьмого января девяносто шестого года. В ту ночь поэт умер» [Улицкая 2011: 10].

Основным аспектом, который рассматривает Людмила Улицкая в романе «Зеленый шатер», является проблема взросления. Большинство персонажей этого произведения объединяет то, что они так и остались людьми с незрелым эмоциональным и волевым состоянием, что сделало их несамостоятельными, нерешительными, то есть людьми с иррациональным мышлением и поведением.

В повествование писательница вводит понятие «имаго» (детства и детскости), определяя основной философско-художественный посыл книги.

Лейтмотив «имаго» состоит из нескольких аспектов, выраженных терминами «детство, детскость, сиротство, безотцовщина» и отражающих видение автором второй половины XX века.

Детскость часто переходит в инфантилизм. Инфантильный человек – это уже повзрослевшая личность с детским, наивно-эмоциональным подходом к окружающему его миру. Взрослого отличают такие качества, как способность принимать серьёзные и самостоятельные решения, отвечать за свои поступки,

быть готовым к их последствиям. Психология инфантильности – это желание удовлетворять свои потребности, ничего при этом не делая.

Одно из центральных аспектов «имаго» – это понятие «детскость», которое нашло свое отражение в образе Михи Меламида, одного из главных героев романа. Мальчик, имея доброе и чуткое сердце, находит смысл жизни в служении окружающим людям, во всепрощении, терпении. В детстве «он был идеальной мишенью для всякого неленивого» [Улицкая 2011: 210], но не только прощал издевательское отношение сверстников, но и жалел обидчиков и даже посвящал им свои детские стихи. Став старше, Миха остался таким же: его иррациональность мышления не исчезла. Зная, к примеру, что если он пустит ночевать к себе крымских татар, то, вероятно, лишится свободы, но несмотря на это, герой не может поступить по-другому. Несостоятельность Михиново преподавания в школе для глухонемых тоже была связана с его совершенно детской и наивной доверчивостью, которой он пользовался в отношении ко всем окружающим его людям, родным и не очень. Эмоциональность и иррациональность более присущи Михе и Сане, которые живут сердцем, эмоционально напряженно. Отличается от них Илья, который находится в мире литературы лишь теоретически, для него превыше всего – идея борьбы за свободу и мир, поэтому он равнодушен к общественной деятельности Михи; не понимает его привязанности к детям, недоверчиво обзывает глухонемых сирот-воспитанников «глухарями». В романе также показано множество эгоистических порывов героя, которыми он и живёт.

Мнение автора прослеживается и в главе под названием «Милютинский сад». Разговаривающий с Ильёй о самиздате Миха называется Улицкой «сущим ребенком» [Улицкая 2011: 197], который отреагировал на рассказ Ильи о своей деятельности так: «Святое дело! — тихо сказал Миха, подавленный открывшимся величием друга» [Улицкая 2011: 199]. И пускай повествователь комментирует этот момент, называя его «дьявольским», но отрицание детскости в Михе идёт от понимания его необычайного характера, как инфантильно-иррационального. Значит автор обозначает детскость как синоним

инфантильности; оценивает действие Ильи, которое он выполняет по отношению к доверчивому, словно ребёнок, Михе, отрицательным. Л.Е. Улицкая также отмечает: «Илья и сам в этот момент наслаждался собственной ролью в мировом прогрессе. Нарисованная им величественная картина не вполне соответствовала действительности, но она и не была чистым вымыслом. Мелкие бесы русской революции — те самые, Достоевские — клубились в темнеющих углах оскудевшего сада» [Там же].

Повествователь явно считает «детскость» какой-то святой и высокой беззащитностью. Михе и сам ощущает себя ребёнком, даже после тяжелейшего опыта отсидки в тюрьме на протяжении трёх лет. И окружающие его люди тоже воспринимают «рыжего» как дитя. К примеру, Василий Иннокентьевич знал его лишь как друга Сани. На панихиде он замечает, как «рыжий Санин друг плакал детскими обильными слезами» [Улицкая 2011: 241].

В важной для повествования главе романа «Имаго» Илья понимает, что смысл существования Михи в желании сохранить чувство собственного достоинства. Поэтому Илья дает советы другу: «Глупости романтические у тебя в голове. Зачем выбор? Какой выбор? Детский сад какой-то. Нет никакого выбора... В определённый момент почувствуешь – вот тут опасно. Значит, пока не лезь. Граница-то всем видна. А там разберёмся». «Миха уловил одно: что-то было не так в рассуждениях Ильи. Сердце подсказывало, что выбор будет самым трагичным». [Улицкая 2011: 290]. Михе по-взрослому относится к себе, понимает и принимает свою «несостоятельность» как в жизни, так и в творчестве: «Детские, детские стихи. Скоро тридцать четыре года. И всё ещё детские стихи. И взрослых не будет никогда. Потому что я так и не вырос» [Улицкая 2011: 319].

На самом-то деле Михе вовсе и не ребёнок, а скорее совестливый человек, подсознательно принявший православную этику поведения. Он совсем не сердится на Илью, а говорит другу, что тот ему сильно помог перед арестом. Он не обвиняет и отца Ольги за предательство, и не судит никого: «А может, кончились силы. Я ему не судья» [Улицкая 2011: 158].

Виктор Юльевич Шенгели, учитель ребят, заинтересовался психологией взросления: «И похоже, не все выбирались из этой пустыни, а значительная часть оставалась в ней навсегда» [Улицкая 2011: 78]. Для учителя литературы крайне важны рассуждения о так называемых человеческих личинках, существах, не дошедших до стадии взрослой особи, однако способных воссоздать себе подобных. Виктор Юльевич уверен в том, что советское население живёт в обществе людей, которые больше похожи на подростков с излишней эмоциональностью, выдающих себя за взрослых. Взрослым человек становится только тогда, юноша перестает мыслить иррационально, меняет свое отношение к жизни, обеспечивает себя необходимым объемом нравственной зрелости.

Людмила Улицкая в романе «Зеленый шатер» показывает жизнь людей советской эпохи, отмечает незрелость эмоционального и волевого состояния, которое влияет на человека, делая его несамостоятельным, нерешительным, одаряя страшным чувством незащищенности. Такие люди имеют заниженную критичность как в отношении к себе, так и к окружающему их миру и людям.

Литература

Улицкая Л. Зелёный шатер: роман: в 2 т. Том 1 / Людмила Улицкая. – М.: Эскмо, 2011. – 384 с.

Улицкая Л. Зелёный шатер: роман: в 2 т. Том 2 / Людмила Улицкая. – М.: Эскмо, 2011. – 387 с.

Тюрина М. В. Концептуальный смысл «Имаго» в романе Людмилы Улицкой // Современные проблемы филологии: материалы II международной конференции. Тамбов, 16 апреля 2012 г.: Изд-во Першина Р. В. – С.134–138